Если б не было тебя…

Автор:
Надежда Волгина

Если б не было тебя…

Надежда Волгина

Нарочно не придумаешь

«В голове все перевернулось и запульсировало, отдаваясь болью в каждой точке – настолько нестерпимой, словно мозг свело судорогой. Реальность исчезла, а вместе с ней люди, звуки, запахи… Остался только слепящий свет, странное ощущение непонятной легкости и полное отсутствие страха…»Знакомство Артура и Дианы не назовешь обычным. С первого взгляда друг на друга их жизнь резко изменилась, кардинально. Им суждено любить друг друга, но какова ставка в этой любви? Автор обложки Юлия Таланова.

Пролог

– «Унылая пора, очей очарование…» Классики – они такие романтики! Вот и Пушкин был таким же… Не вижу очарования в этом проливном дожде. На меня он навевает тоску и скуку!

Влад отвернулся от окна, но сначала опустил жалюзи. Андрей даже позы не сменил – как сидел в кресле нога на ногу, почитывая газету, так и продолжал сидеть. Разве что, потянулся к чашке и отхлебнул остывшего чая.

– Да-да, я знаю, что ты любишь осень, – усмехнулся Влад. – А вот я ее терпеть не могу. По мне, так уж лучше зима с трескучими морозами – она ведет себя честнее. И что ты там такого интересного вычитал, что даже с другом поговорить не хочешь?

Влад приблизился к приятелю и опустился в соседнее кресло.

– Статистикой интересуюсь, дружище, – выглянул Андрей из-за газеты.

– Статистикой чего?

На второй вопрос друг и по совместительству сослуживец отвечать не торопился. Он аккуратно свернул газету и положил ту на журнальный столик, а потом без тени улыбки посмотрел на Влада.

– Нашей статистикой – института брака. И знаешь, что? Она ужасна, дружище.

– Прямо ужасна? – усмехнулся Влад.

– Прямо ужасна. Больше половины браков заканчиваются разводами, – кивнул Андрей.

– Ну наешь… я тут точно не причем, – развел руками Влад.

– А кто причем? Это же твоя прямая работа. Именно твое отделение сочетает пары браком.

– Это просто работа, друг…

– Да понятно, что работа. И я тебя сейчас не осуждаю. Все мы стремимся повысить свои показатели, увеличить число брачующихся…

– Получить премию, – встрял в монолог друга Влад и для пущей важности выставил указательный палец.

– …Но, как же любовь? – пропустил Андрей его фразу мимо ушей. – В браке она обязательна!

– Я тебя умоляю! – возмутился Влад. – Откуда возьмется любовь, если куча народу женятся или по залету, или по расчету, или по еще какой-то другой необходимости? Какая там может быть любовь?

– Но так нельзя. Институт брака в один день может просто рухнуть. С людьми нужно проводить воспитательные работы.

– Издеваешься? – рассмеялся Влад. – Где я тебе возьму столько сотрудников? Мое отделение и так едва справляется с нагрузкой. Да и бывает, что двое любят друг друга, а через годы наступает осознание. И они понимают, что заблуждались или охладели… Или наоборот, если мы будем вмешиваться в отношения каждой пары, то мое отделение рискует остаться без работы.

– А то, что люди несчастны, тебе, значит, не волнует? – усмехнулся Андрей.

– Ну а почему это должно меня волновать? Как там говорится – стерпится слюбится? Ну вот… многие ведь притираются друг к другу. И вообще, я ухожу в отпуск! – счастливо потянулся Влад. – Кого-то назначат моим заместителем. Вот к нему и приставай.

– Значит, придется пристать к самому себе, – рассмеялся Андрей.

– Ты это о чем?

– На время отпуска Михаил назначил меня на твое место.

– Подожди-ка, – нахмурился Влад. – Он что, считает, что я плохо работаю?

– Нет. Он считает, что отдых пойдет тебе на пользу.

– Ну все, – совсем приуныл Влад. – Прощай моя премия. Ты же испортишь мне всю статистику!

– Зато я хоть кого-то сделаю счастливым.

Глава 1

Диана

– Етишкин корень! Ольховская! Ну что вы творите?! – подтянутый пожилой мужчина снял очки, достал из нагрудного кармана щегольского бежевого пиджака платок и методично принялся протирать стекла, периодически увлажняя их собственным дыханием.

В просторном классе повисла тишина. Лишь легкое поскрипывание от трения платка о стекла нарушало ее. И из тщедушной груди мужчины изредка вырывались горестные вздохи. Настолько горестные, словно он понес тяжелую утрату. И на собеседницу он бросал жалостливо-укоризненные взгляды.

– Что вы исполняете, Ольховская? – уже заметно спокойнее, но не менее грустно поинтересовался он.

– Дон Жуан.

Невысокая девушка вытянулась перед ним по струнке, опустив и скрестив перед собой скрипку и смычок. Непослушные рыжие кудри нахально лезли в ее веснушчатое лицо, щекоча то. От этого курносый нос девушки слегка морщился. Она тайком сдувала пряди, невольно откидывая голову назад. На пожилого же профессора виновато смотрела серо-синими с зелеными прожилками глазами. Ей было очень стыдно! Просто ужасно! Но и ничего сказать или сделать в собственное оправдание она не могла.

– Вы играете пиццикато! – профессор поднял указательный палец.

К этому моменту очки уже вернулись на переносицу, а мужчина перестал близоруко щуриться.

– Пиццикато! – потряс он пальцем в воздухе, и получилось это у него довольно грозно. – А что такое пиццикато? Ответьте, Ольховская!

– Это такой прием игры на смычковых струнных инструментах, – заученно ответила девушка, виновато отводя взгляд от пылающего осуждением лица профессора.

– Это волшебство, Ольховская! – громыхнул, став неожиданно сильным, голос профессора. – Понимаете? Волшебство! Это то, что придает музыке таинственный прозрачный колорит. Это же музыка, Ольховская! Музыка, что создана ласкать и ублажать слух, а не травмировать его дилетантством. Что вы рвете эти несчастные струны, право-слово.

Профессор замолчал, явно ожидая ответа от провинившейся ученицы. Но девушка молчала. Да и что она могла сказать в собственное оправдание, когда была согласна с каждым словом обвинителя? Пиццикато всегда было ее самым слабым местом. На нем она спотыкалась чаще, чем на чем-то другом. Сейчас ей было ужасно стыдно, но и обидно одновременно. Стыдилась она недостатка таланта, несмотря на многодневные и утомительные тренировки. Сколько времени было потрачено на отработку техники игры, и все впустую. Она в очередной раз не оправдала ожидания профессора Измайлова – авторитетнейшего человека в их консерватории, настоящего скрипача-виртуоза и одного из самых любимых ее преподавателей.

Обижалась же она сейчас на судьбу, что не видит ее стараний и не желает наградить хоть малыми успехами.

– Знаете, на что похожа ваша игра? – вновь загремел голос профессора. – Даже басгитара не простила бы вам подобного обращения с собой. Вы же отрываете струны этой несчастной скрипки. А должны быть щипки. Понимаете? Легкие изящные щипки для извлечения отрывистого и более тихого звука…

Он энергично приблизился к девушке семенящими шажками. Спина его при этом казалась очень прямой, даже слишком. Инструмент жалобно трынькнул, когда перешел из женских рук в мужские. Профессор положил скрипку на левое плечо и указательным пальцем правой руки слегка поддел струну. В который раз Диана подивилась и восхитилась, как этот человек может извлечь из простой скрипки один единственный звук, который наполнит волшебством все пространство музыкального класса.

Далее все пальцы профессора пробежались по струнам, легко защипывая те, исполняя достаточно сложную ритмическую формулу. И волшебство приобрело особую окраску – зазвучала легко и непринужденно.

– Вот так, Ольховская, – убрал профессор скрипку от плеча и протянул Диане. – Я не утверждаю, что вы бездарь. Что-то получается у вас достаточно хорошо. Но пиццикато!.. Пиццикато идет вразрез с вашими способностями, уж извините. А без пиццикато, как вы понимаете, не может быть качественного исполнения.

Оставшись в классе одна, когда за профессором закрылась дверь, Диана тихо вздохнула и принялась бережно укладывать инструмент в футляр. Мысль, что она в очередной раз разочаровала своего кумира, отравляла настроение. Оно и так у нее было не самое радужное из-за дождливой и хмурой погоды, а сейчас испортилось окончательно. Да и самокритика подливала масла в огонь. Мысли о собственной бездарности откормленными жирными червями вползали в мозг, поглощая тот изнутри. В душе рождалась знакомая слабость, как следствие беспомощности что-то изменить. Как с этим бороться, Диана понятия не имела. В такие моменты она испытывала физическое недомогание – руки дрожали, когда закрывала футляр.

Дверь с шумом распахнулась, и в класс вбежала изящная брюнетка. Она захлопнула дверь, прижалась к ней точеной фигуркой и звонко рассмеялась.

– Знала, что ты еще тут. Генка Галкин опять прилип – давай встречаться… Я уже не знаю, как отмазаться от него. Еще и шуток не понимает. А мне смешно, когда он обижается. Надувается как сыч. Уржаться с него! Ой! А ты чего такая хмурая? Опять наш Паганини доставал? – вмиг посерьезнела подруга Дианы.

– Да нет… Все правильно он говорит, – вздохнула уже в который раз за сегодняшний день Диана. Жалко себя становилось до слез.

Все, что произошло на сегодняшнем занятии, Лиле рассказала вкратце, общими фразами. Да и как можно объяснить одаренному человеку, что не все такие?

Лиля была лучшей подругой Дианы. Они сдружились еще на абитуре. И подруга была именно такой – суперталантливой музыкантшей, подающей большие надежды. Если верить матери Лили, то музыкальные способности у дочери проявились чуть ли не с пеленок. Еще сидя в коляске, она бурно реагировала на музыку – капризничала, если слышала плохую, и притихала, когда рядом звучала хорошая музыка.

В консерватории Лиля была известной личностью, все преподаватели ей пророчили великое будущее. Только, вот беда – сама Лиля ни к какой славе не стремилась, Диана это знала точно. Удивительная девушка! Классическую музыку, так обожаемую Дианой, подруга не переваривала. Она бредила джазом, обожала исполнять его и петь. Лиля даже освоила саксофон и играла на нем чаще, чем на родной скрипке, игре на которой обучалась с пяти лет. В консерваторию подруга поступила только в угоду матери, чтобы не огорчать ту. И понять всего этого Диана не могла, как ни старалась.

Лиля и ее друзья – такие же почитатели джаза, организовали группу и даже ездили на гастроли с концертами. В родном городе так и вовсе были довольно популярны. И популярность не мешала им играть в подземных переходах. Как объясняла Диане Лиля, так они репетировали дополнительно, чтобы не терять сноровки. Ну и это позволяло им подзаработать.

Диана восхищалась той энергией, какую Лиля буквально источала. С какой легкостью та знакомилась с людьми, заводила новых друзей. Сама Диана так не умела, о чем оставалось только сожалеть.

– Слушай, – без предисловия перешла Лиля в наступление, как поняла по ее виду Диана, – к нам приехала группа… – далее последовало название группы, которое Диана ни о чем не сказало, поименное перечисление состава с краткой характеристикой каждого и буря эмоций, вылившаяся в безостановочный поток речи.

Все это Диана внимательно выслушала, хоть и едва уже сдерживала улыбку. Узнала для себя много нового, конечно же. И только потом задала главный вопрос:

– Тебе что-то нужно от меня? Я правильно поняла?

Лиля кивнула и умоляюще посмотрела на Диану ярко подведенными и практически черными глазами, блестевшими как смола на солнце.

– Вовка достал билеты на концерт, и мне придется пропустить репетицию. А мальчики без меня играть не могут. Весь репертуар завязан на скрипке. Вот я и подумала, что ты могла бы меня подменить.

Диана не раз ходила на концерты с участием группы Лили. И на репетициях бывала, когда позволяло время. Но еще ни разу она не подменяла подругу и не планировала этого делать. А потому сейчас невольно растерялась и даже испугалась.

– Я не могу… Ты что?! Я же в джазе полный профан. Как я буду играть?

Да и сама мысль об игре в подземном переходе несколько шокировала. Она так точно не сможет! Это же нужен артистический талант, которого у нее и в помине не было, чтобы играть на потеху случайной публике.

– Да брось ты! – легкомысленно отмахнулась подруга и рассмеялась.

Только сейчас Диана обратила внимание, что она уже готова идти на концерт. Видно, Лиля успела уже сбегать домой и принарядиться. Правда, это она заметила. Кто-то другой вряд ли разглядел в короткой кожаной юбке, длинных черных сапогах и верхе, обтянутом черным латексом с оторочкой из искусственного меха, концертный наряд. Лиля была готичкой и любила украшать себя всякими там пряжками, цепочками и кольцами. И то, что сегодня решила обойтись без излишеств, говорило Диане о многом.

– Чего там уметь… – продолжала рассуждать Лиля, не замечая испуга в глазах Дианы. – Подыграешь им и все. Ноты же ты знаешь, – снова рассмеялась.

Мыслями она уже была далеко отсюда.

– А когда концерт?

– Да собственно, я уже убегаю, – виновато посмотрела на нее подруга. – Вовка ждет во дворе…

– А репетиция когда? – нахмурилась Диана.

– Через полчаса.

– С ума сошла?! – разозлилась окончательно Диана. – Как я туда пойду в таком виде?! – оглядела она свой наряд из строгой зауженной юбки и белоснежной

блузки. На вешалке еще дожидалось пальто нежно-бежевого оттенка. – Я же не успею даже переодеться.

– И не надо, – уверенно отозвалась подруга. – Выглядишь ты замечательно! Мальчишки просто сойдут с ума от тебя. Да и остальные тоже. Глядишь, подзаработаешь сегодня.

Артур

Море штормило не по-детски. Давно оно так не бушевало. Спасательная служба даже оцепила береговую линию и вывесила предупреждение об опасности, хоть и пляжный сезон уже закончился. Но кто знает, может кому-нибудь особенно отчаянному взбредет в голову искупаться в шторм и в ледяном море.

Ночью, видно, волны были еще больше, раз всю набережную закидало камнями. Жалко… Испортили такую красоту – мраморную береговую линию. Сейчас, с выбоинами повсюду, она смотрелась жалкой, а не богатой, как еще недавно. И когда теперь все это залатают.

Артур не боялся моря – ни штормящего, никакого. Как и любоваться им издалека не привык. Он любил море. А в шторме видел особую прелесть и откровенность – словно море выплескивало на берег свое недовольство и делало это очень эмоционально, до агрессии.

Ветер дул резкими порывами, под которыми было тяжело устоять. Снопы брызг попадали в лицо, обдавали шею, грудь, но Артур этого не замечал, как и того, что одежда его уже намокла.

Он был так увлечен созерцанием стихии, что не сразу расслышал звонок мобильного. А когда полез за телефоном в карман, понял, что изрядно промок. Опять он подошел слишком близко, нарушил невидимую границу безопасности, забыл об осторожности.

– Дай-ка угадаю… Торчишь на берегу? Угадал?

– Ты только для этого звонишь? – усмехнулся Артур и попятился подальше от бушующего моря.

Серега хоть и позвонил некстати, но очень даже вовремя. Иначе, не известно, сколько бы он еще вот так вот стоял. Море – его пропасть, от края которой он сейчас удалялся. Да и пора было возвращаться.

– Вообще-то, я к тебе с просьбой, – отозвался Сергей. – Подруга жены хочет, чтобы ты написал портрет ее драгоценного супруга. Хочет преподнести ему тот на день рождения.

– И ее устроит рисунок в карандаше?

Артур запахнул куртку как следует в попытке согреться. Ледяные порывы ветра проникали под мокрую водолазку, морозя кожу, а вместе с ней и душу.

– Ну… – замялся Сергей на том проводе. – Она, конечно, хотела акварельный. Но я объяснил ей, что акварелью никто не напишет так хорошо, как ты можешь сделать это в карандаше. Кстати, дамочка очень даже платежеспособная. Знаю твою щепетильность в этих вопросах, знаю, – поспешил добавить Сергей. – А потому я сам назначил цену, – и назвал сумму, вдвое превышающую стандартную плату за портрет.

– Нехило… – Артур миновал набережную и свернул в узкий переулок. – И когда она придет? Ты же и о времени договорился, как понимаю, – усмехнулся.

– А то! – самодовольно отозвался друг. – Я, знаешь ли, привык доводить дела до конца. Завтра в десять она придет, с фоткой мужа. Покажешь ей пару-тройку своих работ, и… дело в шляпе, а ты при бабках.

Писать с фотографии – это как есть что-то вкусное, но слегка пригоревшее. Артуру это не нравилось. С карточки на него смотрело застывшее изображение, восковой слепок. В нем он не видел жизни. Не наблюдал мимику, как отражение эмоций и мыслей человека. А за лицами он любил наблюдать разве что чуть меньше, чем за морем. Даже когда ему позировали, стараясь стоять неподвижно, лицо жило собственной жизнью. Оно постоянно менялось – на нем читались мысли, мелькающие в голове. И особенно непостоянно выражение глаз – зеркала души. За глазами Артуру особенно нравилось наблюдать и ловить тот

особенный момент, когда наступала гармония с внутренним «я». Именно такие моменты он и торопился записать, увековечить. А с фотографией приходилось импровизировать, включать собственную фантазию.

Отголоски шторма затихали по мере удаления от моря. Но им пропахла мокрая одежда, и временами по телу пробегала противная дрожь. Не хватало еще простыть!

Еще и накрапывало. Шторм почти всегда приносит дождь. Иногда случается наоборот – сначала льет дождь, а потом рождается шторм. Но итог всегда одинаков – стихия на суше и на море.

Темно было как вечером, а всему виной небо, или свинцовые тучи, что заволокли его все. Редкие прохожие спешили в укрытие, чтобы не попасть под дождь, что уже начинал свой танец одинокими крупными каплями. Пока еще они изредка падали на землю, но ритм все ускорялся. Еще чуть-чуть, и небо разверзнется над головой, насылая на людей новую стихию.

Артур едва успел ступить за свежевыкрашенную калитку, как полило словно из ведра. Пока бежал через небольшой сад, умудрился все-таки промокнуть. С одной стороны, в этом был даже плюс – Люда не догадается, что ходил он к морю. С другой – как ни крути, нагоняя ему не избежать.

– Артур, ты? – донеслось из кухни, когда он в тесном коридоре развешивал куртку на плечики и переобувался в тапочки.

– Я, – ответил, но скрыться в своей комнате не успел.

– Я так и знала! – всплеснула руками женщина лет шестидесяти, что аккурат вышла из кухни.

Она тут же вытерла руки о фартук, что подпоясывал ее полноватую фигуру.

– Опять ты весь мокрый! Ну куда это дело годится!.. – принялась причитать она, с укоризной глядя на Артура. – Где ты шляешься?! – сдвинула она брови и уперла руки в бока. – Опять потащился на море? Вот только кашель прошел… Неделю валялся с температурой. И снова весь мокрый. Живо переодевайся, если не

хочешь схлопотать воспаление легких! – прикрикнула на Артура, как на непослушного ребенка и скрылась в кухне.

«Не прокатило», – с иронией подумал Артур, стягивая мокрую одежду и переодеваясь во все сухое.

От природы ему достались высокий рост и худощавое телосложение. Но всего этого Артур немного стеснялся и сутулил плечи, словно хотел казаться ниже. А может, сутулился он, потому что любил держать руки в карманах. Вредная привычка, как ни крути, но от нее избавиться не получалось, как ни старался. Даже джинсы вот себе выбирал «хулиганки» – с карманами наискосок, специально для любителей прятать там руки.

Широкие плечи выдавали в Артуре искусного пловца, а загар не сходил круглый год, чему способствовал теплый морской климат. Да и сам по себе он был смуглый от природы.

В этом небольшом приморском городке Артур прожил тридцать лет – всю свою жизнь. Мать умерла при родах, и бремя воспитания племянника легло на плечи тети Люды – родной сестры матери Артура. Других родственников у него не было. Отца своего и вовсе не знал. Смутно помнил деда – сурового и усатого старика. Но тот умер, когда Артуру едва исполнилось восемь.

Люда, как Артур называл тетю, так и не вышла замуж. Всю себя отдала племяннику. Артур даже не помнил, чтобы она встречалась когда-нибудь с мужчинами. Кажется, нет, иначе хоть что-то, да отложилось бы в памяти. Она заменила ему мать, и он любил ее, как и не знал другой матери.

Артур вытер волосы полотенцем и хоть как-то попытался их пригладить. Попытки оказались тщетными – сильно отросшая челка лезла в глаза. Уже давно пора было постричься, вот и Люда не уставала об этом твердить в своей ворчливо-добродушной манере. Но кажется, со стилем легкой лохматости и оброшести Артур уже сроднился. Как бы там ни было, в парикмахерскую себя загонял не чаще раза в полгода.

Да черт с ней – с противной челкой! В который раз пообещал себе, что вот сегодня уж точно отправится к цирюльнику, и в сотый раз сразу же забыл о собственном обещании.

Артура можно было бы назвать красавчиком, если бы не плотно сжатые губы с залегающими по бокам глубокими складками. Глядя на них, казалось, что этот мужчина относится к жизни слишком скептически, даже пренебрежительно. Что не соответствовало действительности. И серо-синие глаза на загорелом лице смотрелись очень выразительно, если бы не слишком пронзительный взгляд, словно во всем в первую очередь их хозяин стремится узреть недостатки. Некоторые особенно трепетные дамы даже побаивались его такого взгляда. Но Артура это скорее забавляло.

– М-м-м… вкусно пахнет! – вошел он в кухню во всем сухом и чистом, на радость тете.

А он, оказывается, сильно проголодался. Да и пахло на самом деле умопомрачительно. Тут и у сытого появится аппетит.

– Неужели? – усмехнулась Люда. – С чего бы это? Подумаешь, с утра ничего не ел, а время всего-то к четырем приближается…

– Ладно тебе, не ворчи, – Артур уселся за стол, вооружившись вилкой и ложкой. – Я и правда жутко голодный.

– И сдалось тебе это море… – продолжала ворчать Люда, наливая ему щи в глубокую глиняную миску. – Ну что в нем такого особенного? Скажи, пожалуйста! Что такое там появилось новое со вчерашнего дня? Или с прошлого месяца? Или с прошлого года?.. – она поставила тарелку перед Артуром и опустилась на соседний стул. Подперла голову рукой и принялась буравить племянника внимательным взглядом. – Зачем ты ходишь туда каждый день? Каждый божий день! И ладно бы еще писал там… А уж в шторм там и вовсе нечего делать, разве что бестолково мокнуть и простужаться.

Артур не успел зачерпнуть щей, как вынужден был опустить ложку. Не ответить тете посчитал невежливым.

– Люд, я же уже объяснял тебе, что море – то единственное, что я точно знаю, как выглядит. А, ну еще вот Барсик, – с улыбкой потрепал он за ухом черно-белого кота, появившегося на кухне неизвестно откуда и сразу же начавшего тереться об ноги, требуя своей порции еды.

– Вот именно! – согласилась тетя. – Именно, что знаешь. Так что же нового ты хочешь разглядеть в нем?

– Ничего, – задумчиво отозвался Артур. – Просто мне нравится смотреть на него. И ты не права – море все время разное.

– Зато ты всегда одинаков, – вздохнула Люда.

А потом нахмурилась. Сколько Артур себя помнил – хмурилась тетя, когда была чем-то недовольна или если чего-то не понимала. Сейчас же, по-видимому, эти две вещи соединились в одну, и эффект от ее нахмуренных бровей удвоился.

– Тебе уже тридцать, а ты все еще один как бобыль. И из моря твоего любимого плохая невеста, согласись.

– У меня есть ты и мои картины, – сделал Артур попытку перевести все в шутку.

– Не прикидывайся дурачком! Прекрасно понимаешь, о чем я…

И это не прокатило. Артур вздохнул и обреченно посмотрел на тетю. Видно, она решила не уступать ни в какую. Погода, что ли, на нее так действует? В сотый раз завела бесполезный разговор, от которого Артура неизменно коробило. Не было у него ответов на ее бесконечные вопросы. Ну таких, чтобы удовлетворили ее, точно. А она явно ждала ответов, внимательно глядя на племянника. А еще и щи остывали, которыми жуть как хотелось насладиться в тишине и покое. Как жаль, что его желания сейчас шли в разрез с тетиными. Так и пришлось отложить ложку и ответить Люде не менее внимательным взглядом.

– И это мы уже обсуждали, – постарался как можно спокойнее произнести Артур.

– И что? Обсудим еще раз, не беда, – тут же отозвалась тетя. – Если бы в твоей жизни хоть что-то менялось к лучшему, стала бы я к тебе приставать. А то ж болото какое-то вокруг тебя. Вон у Сережи уже двое детишек, а у тебя нет даже девушки. Ты можешь мне толком объяснить, почему не встречаешься с девушками? – пытливо поинтересовалась она.

– Для меня они все одинаковы, – отозвался Артур. – Я пытаюсь рассмотреть в них что-то и… не вижу. Это как иллюстрации в книге – бездушные картинки, – печально посмотрел он на тетю.

– Так и бездушные? – от расстройства у Люды выступили слезы на глазах. – А если попробовать сблизиться с кем-нибудь? Потом же может понравиться. И кто знает, вдруг она окажется той самой, единственной и на всю жизнь?

Тетя смотрела на него с надеждой. В глазах ее так и светилась мысль, что вот сейчас он согласится, пересилит себя, пойдет на уступки. А он не мог ей объяснить всего, потому что не находил для этого подходящих слов. Удивлялся, что сама она не понимает. И осознавал, что понять этого невозможно.

Его отношение к девушкам не было вызвано особенностями характера или чистым нежеланием с кем-то сближаться. И в физиологическом плане девушки его волновали и интересовали. Потребности свои он удовлетворял так часто, как того требовал организм. Но не более – душа его оставалась наглухо закрытой, а сердце продолжало биться ровно.

Артур страдал цветослепотой. Это еще называлось абсолютным дальтонизмом – у врачей, когда весь мир вокруг человека окрашен в черно-серо-белую гамму, без единого вкрапления какого-нибудь другого цвета.

В случае Артура недуг не являлся наследственным или врожденной патологией. Все обстояло гораздо проще, хоть и намного трагичнее. При рождении он получил родовую травму и перенес курс лекарственной терапии еще в роддоме. Никто не мог предположить о побочном эффекте от лекарств, вследствие чего и развился дальтонизм. Да еще и редкая его форма. Таких дальтоников, каким был Артур, в мире насчитывалось не больше процента.

Сам Артур считал себя совершенно здоровым. И недуг свой не считал таковым, скорее отклонением от нормы. Ведь тот никак не влиял на его общее состояние, да и мир вокруг себя он никогда не видел другим. Он и понимать-то, что не такой как все вокруг, стал довольно поздно. А когда осознал сей факт, то приучил себя относиться к этому с юмором. Например, он сравнивал себя с жителями тихоокеанского острова Пингелапе. Вот кому точно не повезло, так не повезло. На этом острове каждый двадцатый житель абсолютный дальтоник. И причина уходила корнями в прошлое. Когда-то давным-давно на острове

случился сильнейший ураган. Почти все жители тогда погибли, в живых осталось не больше двух десятков человек. И один из них был носителем гена дальтонизма. Именно он и наградил им потомков – все они ведь в той или иной степени были родственниками, как и сейчас ими являются. Так же, как Артур, пинегальцы не различают цвета. Только их глаза еще и не способны к «острому» зрению. Они не могут читать или заниматься какой-либо кропотливой работой. Яркий свет губителен для их глаз и причиняет нестерпимую боль. Днем эти бедняги прячутся в полумраке домов. А ночью все выходят на рыбную ловлю, чтобы прокормиться. Несчастные люди. Но даже они, скорее всего, таковыми себя не считают, потому что, как известно, человек привыкает ко всему!

Не так давно Артуру исполнилось тридцать. И не без оснований он мог считать, что достиг в жизни многого. И почти за все он должен был благодарить тетю Люду. Если бы ни ее понимание и настойчивость во многих вопросах, еще не известно, каким бы он вырос, и что бы из него вышло.

По странному совпадению наш мир делится на черное и белое – нельзя и можно. Полумерам остается мало места, а то и вовсе не остается. Если, к примеру, у кого-то нет музыкального слуха, то единственное, чем он не может заниматься в жизни – это музыка. То есть, такому человеку даже мечтать не стоит о поступлении в консерваторию и карьере музыканта. Такой в принципе не должен обожать музыку.

Но в категории «нельзя» тоже встречаются исключения. Что делать таким – которые больше всего любят то, что им категорически противопоказано?

С раннего детства Артур понял, что больше всего любит рисовать. Как только научился держать в руке карандаш, так сразу же принялся зарисовывать все, что видел.

Целыми днями мальчик просиживал с альбомом. Как маленький старичок, горбился, рассматривая паучка, плетущего идеально правильные сети, чтобы потом повторить его на бумаге; муху, намывающую хоботок, или цветы в вазе… Его мало интересовали игрушки. А вот без карандаша и своих альбомов он не мог жить.

Люда первая разглядела талант в детских рисунках племянника. Но когда повела его в художественную школу, там отказались принимать ребенка,

страдающего тяжелой формой дальтонизма. Тогда Люда задействовала все свои связи, и Артура приняли-таки в художественную школу. Дальше уже его талант сам пробивал себе дорогу – в училище Артур уже поступил без труда. И сейчас добился того, о чем мечтал – живопись, а точнее, рисунок в простом карандаше, стала его профессией. И это дело он по-прежнему считал самым любимым.

Его рисунки нравились людям и хорошо продавались. А со временем только все лучше. Они приносили доход, на который Артур с тетей вели безбедную жизнь. Конечно, находились и такие, что считали его мрачным живописцем, пессимистом. Но Артур на таких не обижался – ведь шло это скорее от незнания, нежели от злобы. О его цветослепоте вообще мало кто знал, разве что, самые близкие им с Людой люди. Для всех остальных Артур был обычным человеком, таким же как все.

Но с людьми Артур сближался с опаской и даже с некоторой неохотой. Друзьями мог назвать разве что Сергея, с которым сдружился еще в детстве, в художественной школе, и Семена Исааковича – хозяина художественного магазина, где выставлял свои картины. Еще ему была близка семья Сергея – его жена и мальчишки-погодки. К ним он относился как к родным. Ко всем остальным – ровно и вежливо.

Так же он относился и к девушкам – ровно. Но стоило Люде завести разговор о них, как в душе Артура зарождались грусть и безысходность. И как с этим бороться, он понятия не имел. Как и не мог ничего исправить.

– Ладно, ешь уже… – вздохнула Люда. Почти всегда именно так заканчивались подобные разговоры. – Щи, поди, совсем остыли.

Она встала из-за стола и принялась сметать несуществующие крошки с кухонных поверхностей. Так она отвлекалась от грустных мыслей, и Артур это понимал.

– Наверное, дождь зарядил надолго, – решил он сменить тему. – Не получится сходить к Семену Исааковичу.

– Завтра сходишь, не беда, – равнодушно отозвалась тетя.

– Кстати, завтра у меня клиент на дому, – ввернул Артур, стараясь, чтобы прозвучало это бодро и весело. – Серега подогнал заказ.

– Так иди и приберись в мастерской. Стыдно принимать клиента в таком бардаке, – раздраженно буркнула Люда, не глядя на него.

Вот тогда Артур понял, что развеселить ее не получится. Не сейчас. Зато это позволило ему насладиться щами в молчании и покинуть кухню, оставив тетю сетовать на судьбу в одиночестве. Ну не может он ей составить в этом компанию! Не может и не хочет!

Мастерская Артура занимала всю мансардную часть дома. Он по праву мог гордиться ею, потому что создавая ее, старался продумать все до мелочей. И сейчас мастерская для него была тем местом, где он проводил большую часть времени.

Раньше эта часть дома служила чердаком. Туда сносили все ненужное, и что жалко выкинуть. Артур же обитал в своей отдельной комнате, на первом этаже.

Когда ему исполнилось шестнадцать, и Люда поняла, что живопись – смысл жизни племянника, она и предложила обустроить для творчества отдельную мастерскую. А многолетний хлам благополучно перекочевал на свалку.

С тех пор комната Артуру служила исключительно для сна. В нее он приходил вечером и покидал каждое утро, чтобы снова вернуться вечером. Он не замечал, как на мебели скапливается слой пыли. Раз в неделю туда наведывалась тетя с тазиком и тряпкой. Она всегда ворчала, что такого грязнулю еще нужно поискать, что нельзя жить в бардаке и не замечать его, что так можно зарасти грязью с головой… Но неизменно после ее визита спальня Артура начинала сверкать чистотой и благоухать свежестью. Но и этого племянник частенько не замечал, потому как время для уборки Люда выбирала, когда его не было дома.

Мастерская же отличалась от спальни, как Африка от Сибири. Здесь все было создано для удобства и плодотворной работы. Идеально-ровные белые стены без единого вкрапления, за что мог бы зацепиться взгляд. В мансарде имелось всего одно окно, которого было недостаточно для такой огромной площади. Но Артур и этот вопрос решил, оборудовав помещение множеством точечных

светильников. Обычные лампы накаливания он комбинировал с энергосберегающими, чтобы добиться нужного, приближенного к естественным, оттенка света. Ни в коем случае свет не должен быть слишком ярким, иначе картины будут выглядеть излишне темными. Но и не тусклым – иначе он рискует слишком высветлить полотна.

Свет в жизни Артура играл особую роль. Он частично компенсировал невозможность различать цвета. Артур безошибочно улавливал концентрацию света во всем, что его окружало. Это позволяло ему создавать собственные оттенки серого – множество таких оттенков. Именно этим его рисунки в карандаше и отличались от других – разнообразием серого, от едва уловимого, до насыщенного, практически черного, но все же не абсолютно черного.

Многие, увидев в мастерской Артура большое овальное зеркало на массивной деревянной станине, решили бы, что тут обитает нарцисс, который любит любоваться собой любимым. И они ошиблись бы. Зеркало Артур считал самым главным предметом, но почти не смотрелся в него, как и в любое другое. Он поместил его прямо за рабочим местом, за своей спиной, чтобы видеть в отражении картины. Все неточности и недостатки сразу бросались в глаза. Картины в отражении Артур зримо воспринимал, как совершенно другие, не его.

Надо ли говорить, что мастерскую Артур особенно любил захламлять? Вернее, он даже не замечал, как день изо дня растет гора неудачных попыток создать что-то новое. Листы летели на пол, усеивая собой все пространство. Артур топтался по ним и в упор не видел. Пока в мастерской не появлялась Люда. Вот тогда она спускала на него собак и заставляла наводить там порядок. И тогда же он сам замечал, в каком бардаке творит.

Жизнь Артура состояла из работы, которую он любил больше всего. Днями напролет он творил, не думая больше ни о чем. Даже отдаленно не мог догадываться, какие перемены его поджидают. Да что там, поджидают! Стремительно наступают, рискуя смести на своем пути все, что он строил годами.

Глава 2

Артур

Девять утра для Артура было несусветной ранью. В это время он не вставал практически никогда. Как и в десять, как и в одиннадцать… Разве что, когда раннего подъема требовало срочное дело, как вот сегодня. Сегодня он ждал клиента, вернее, клиентку. Судя по уверениям Сереги, важную. А потому он должен быть во всеоружии, хоть в глубине души считал, что день не задался с самого утра.

Позавтракал Артур наспех и отправился в мастерскую – проверить лишний раз, все ли готово к приему заказчика. В мастерской царил идеальный порядок. Портреты, которыми он планировал проиллюстрировать свое мастерство, были расставлены на специальной подставке, в выгодном ракурсе света относительно окна. Никаких бликов или затемнений Артур не заметил. Все выглядело идеально даже на его слишком придирчивый взгляд.

Клиентка должна прийти в десять. Артур очень надеялся не больше чем за полчаса обговорить все условия заказа и отправиться в магазин Семена Исааковича. Раз уж он сегодня так рано встал, то нужно успеть сделать многое. Как и посетить аллею художников, где раньше проводил почти все свое время. Там он работал, пока не перебрался домой. Сейчас он на аллее творил в свое удовольствие – рисовал портреты детишек или таких же творцов, занятых работой. Артуру нравилась царящая на аллее художников атмосфера, пропитанная особым духом вдохновения.

Раньше у Артура на аллее было свое место. И за портреты он брал деньги, тем самым и зарабатывая на жизнь. Особенно неплохо получалось заработать в курортный сезон, когда город наполняли туристы. В осенне-зимний период работы было, конечно же, намного меньше. Тогда им с Людой приходилось жить в режиме строгой экономии.

Все изменилось в их с тетей жизни, когда Артур познакомился с Семеном Исааковичем – хозяином художественного магазина. Увидев работы Артура, владелец магазина предложил ему выставлять их у себя. Так у Артура появилась возможность работать дома. Но любовь к богемному месту, как про себя называл аллею художников, никуда не делась, и примерно раз в неделю он приходил туда, чтобы насладиться творчеством в чистом виде – для души.

Клиентка опоздала к неудовольствию Артура. Явилась ближе к одиннадцати и с таким видом, что именно она делает художнику великое одолжение, заказывая портрет мужа. Переубеждать ее Артур, конечно же, не стал, а про себя предпочел называть «мадам», как символ чего-то надменного и высокомерного. С такими женщинами ему не раз приходилось встречаться. Частенько такие потом начинали оказывать ему знаки внимания, словно со временем разглядывали в нем что-то такое, что с первого взгляда не замечали. Но и именно от таких Артур предпочитал держаться как можно дальше.

– Конечно, я рассчитывала на акварель… – капризно проговорила мадам, стягивая перчатки и разглядывая выставленные Артуром образцы работ. – Карандаш – это довольно скучно, серо…

В первый момент Артур едва справился с раздражением, когда подметил на лице клиентки недовольство, граничащее с брезгливостью. Вот уж чего точно не собирался делать, так это что-то кому-то доказывать, как и уговаривать! Да и если уж на то пошло, то в заказах такого плана он уже давно не нуждался. Так что, мадам эта может катиться восвояси тем же путем, каким добралась сюда. И пока Артур подбирал слова, чтобы все же выпроводить капризулю как можно вежливее, она продолжала разглагольствовать:

– Серж вас так рекомендовал, так расхваливал…

Серж? Она это серьезно? Откуда у Сереги только такие знакомые берутся?

– …Мне стало любопытно, что же вы из себя представляете, – повернулась к нему мадам лицом.

Артур невольно подметил, что лицо у нее хорошенькое. А вздернутый носик и пух светлых волос делали его почти трогательным. А когда она улыбнулась, на щеках проступили поистине очаровательные ямочки. Все это Артур зафиксировал мозгом художника, но к прелестям мадам остался абсолютно равнодушен, как мужчина.

– Знаете, ваши портреты и правда очень хороши, – удивила она Артура следующей фразой. – Есть в них что-то… особенное, что ли. Только вот что? Никак не пойму, – посмотрела на него так, будто он прямо сейчас посвятит ее в большую тайну особенности своих работ.

Артур промолчал, пытаясь справиться с удивлением. Он привык относиться к таким клиенткам с долей пренебрежения. Считал их избалованными роскошью глупышками, имеющими обо всем поверхностное суждение, но считающими своим долгом делиться им со всеми. Мадам же стремительно рушила стереотипы, и следующая ее фраза только усиливала диссонанс.

– Они мне напоминают картины Врубеля с его серо-жемчужной гаммой… А почему вы не пишете акварелью? С вашим чувством малейших оттенков цвета могли бы создавать шедевры.

С трудом удалось сдержать усмешку, когда услышал «малейших оттенков цвета». И сразу же всплыли воспоминания – однажды он уже пытался написать картину акварелью. Это случилось давно, когда он только познакомился с Семеном Исааковичем. Собственно, тот и настоял на картине в цвете. Рассуждал тогда владелец магазина примерно так же, как вот и эта мадам сейчас. Только ему, в отличие от нее, было известно о цветослепоте Артура.

– Ты обязательно должен попробовать сделать это! А я тебе помогу с выбором цвета. С твоим интуитивным распознаванием малейших оттенков, ты можешь сотворить шедевр, мальчик мой.

И Артур сотворил его – шедевр. Только вот, чего это ему стоило! Сколько времени и сил они с Семеном Исааковичем потратили на его создание! Днями напролет Артур работал под руководством старшего наставника, который объяснял ему, что и какого цвета должно быть. Ему оставались полутона… Именно они заменяли ему цветовое решение и позволяли видеть весь расклад целиком.

Картина была создана, а Артур измучен в конец.

– Да… Никогда не думал, что скажу это когда-нибудь. Мальчик мой, ты сотворил чудо! – Семен Исаакович рассматривал полотно с изображенной на нем березовой аллеей осенью, и в глазах его стояли слезы. – Твоя осень получилась лучше настоящей! Именно твое незамутненное сознание и свое, особенное

видение мира сделали ее такой. Эту картину должны увидеть все! Ты – гений, понимаешь ты это?! Настоящий гений! Но, мальчик мой, что с твоим лицом?

Что было с его лицом тогда? Да ничего особенного. Тогда он стоял рядом со старшим наставником и тоже разглядывал собственную картину. Только вот беда – в отличие от друга не видел в ней ничего особенного. Ничто ровным счетом не отличало ее от всех остальных его картин, выполненных в карандаше.

Артур видел перед собой все ту же осень, какой привык видеть всегда – красивой и неповторимой. Она ничем не отличалась от той осени, что не так давно продал Семен Исаакович. Ту картину Артур писал с натуры и вложил в нее всю любовь к этому загадочному времени года. Ведь больше всего он любил осень и море. За что, и сам не мог объяснить. Любил их даже не глазами, а скорее внутренним «я», душой. Любовь и отражал на полотнах, используя простой карандаш.

– Нет, Семен Исаакович. Ее не увидит никто! Я оставлю ее, лишь как напоминание о впустую потраченном времени. В ней нет ничего особенного.

– Но почему, мальчик мой?! Это кощунство – скрывать от людей свой талант!..

Тогда они сильно поссорились. Артур так и не смог объяснить наставнику, что чувствовал. Да и сам тогда он еще всего не понимал, осознание наступило позже. Тогда он просто не видел всего того, чем восхищался друг, и не хотел никому показывать то, что сам считал мазней по подсказкам.

Больше на эту тему они с Семеном Исааковичем не разговаривали. Картина пылилась за шкафом, а воспоминания ее канули в Лету. Но вот сейчас всплыли. Только Артур еще тогда дал себе слово ни с кем не обсуждать больше эту тему. Наверное, потому ответ клиентке и прозвучал несколько грубо:

– Я рисую карандашом. И… давайте уже перейдем к делу. У меня не так много времени…

– Да, конечно, – пожала она плечами, доставая из лакированной сумочки фото в рамке. – Вот, собственно, тот, кого вы должны изобразить, – протянула она фото Артуру.

С карточки на него смотрел усатый мужчина с пышной шевелюрой. Артуру понравилось его улыбающееся лицо. Было в нем что-то доброе и бесхитростное.

– Заказ будет готов через две недели, – повернулся он к мадам. – Сроки устраивают?

– Вполне, – кивнула она. – Вы работаете с предоплатой?

– Нет, расчет по завершении работы…

Диана

Через полчаса Диана уже была на месте. Она жутко волновалась, доставая скрипку из футляра. Два гитариста, саксофонист и виолончелист, друзья Лили и знакомые Дианы, тоже уже были там и настраивали инструменты.

Очень скоро она поняла, что зря так волновалась. На деле все выглядело несколько иначе и совсем не сложно. Диана действительно быстро ухватила основную нить и начала подыгрывать музыкантам на скрипке. Она даже рискнула немного поимпровизировать, что тоже получилось неплохо.

Когда мальчишки, как их называла Лиля, решили сделать перерыв и сбегать за чем-нибудь съестным, Диана захотела сыграть что-то для души. Ее выбор пал на «Шербурские зонтики». Очень ей нравилась эта мелодия. Она любила смотреть старый фильм, с Катрин Денев в главной роли, про любовь автомеханика и юной продавщицы зонтиков в маленьком городе Шербур.

Приятно играть просто так, не задумываясь о том, как ты это делаешь. Касаешься струн смычком и не прислушиваешься к каждому звуку – правильной ли чистоты и длинны он выходит, в нужном ли месте ты делаешь паузу, не получилась ли она затянутой или, наоборот, слишком короткой. В такие моменты

музыка становится отражением твоего настроения. Если тебе грустно, то и она звучит приглушенно, неторопливо. Если ты счастлив, то и звуки превращаются в мажорные, словно пропитываются исходящей от тебя радостью.

Диана забыла обо всем – о недовольстве профессора, о собственных переживаниях. Ее затопила романтика с примесью приятной грусти. Она думала о Женевьеве и Гийоме, о продавщице зонтиков и автомеханике. Сколько препятствий устраивала жизнь, через сколько испытаний им пришлось пройти. Разлука, обман, отчаяние, попытка стать счастливыми с другими. Выдержала ли их любовь такое? Способен ли вообще человек сохранить любовь, пройдя через так многое? Смогла бы она, Диана, быть счастливой, люби она кого-то так, как Женевьева своего Гийома, даже тогда, когда судьба разлучила их навсегда?

Переход пустовал, когда Диана начала играть. Редкие пешеходы проходили мимо, не останавливаясь. Еще реже кто-то притормаживал послушать ее исполнение. Постепенно из таких набралась небольшая группа. Диану не смущало, что именно к ней приковано внимание, что несколько пар глаз смотрят на нее и внимают ее игре. Напротив, ей это было приятно, хотелось исполнять еще лучше. Взгляд скользил по лицам, не останавливаясь ни на одном. Она замечала растроганность, теплоту, задумчивость… и считала, что лучшей признательности быть не может.

В какой-то момент что-то неуловимо изменилось. Диана не сразу сообразила, что же такое произошло. Мимолетно ее взгляд выхватил из толпы несоответствие. Глаза мужчины! Они горели, жадно впивались в нее взглядом. Он так смотрел, словно внезапно прозрел. Музыка в тот момент заполнила собой все вокруг, зажила собственной жизнью. Диане казалось, что играет не она. Безупречные звуки доносились будто издалека, она же видела только эти глаза, прожигающие насквозь и дикие до дрожи в теле. Она не чувствовала рук, как удерживает скрипку, словно душа внезапно покинула тело, но находится где-то рядом. И вот она не может ни улететь, ни вернуться в тело, удерживаемая взглядом незнакомца. И самое странное – что мысли при всем при этом текли спокойно, в голове царила предельная ясность. И это не вязалось с ощущением нереальности. Она слышала любимую мелодию, в идеальном исполнении, словно впервые в жизни. И смотрела в эти удивительные глаза, не в силах оторваться.

Его взгляд уже не просто горел, а полыхал. В какой-то момент Диане стало нестерпимо больно, и она прикрыла глаза, чтобы унять жжение. Когда вновь посмотрела в ту сторону, незнакомец исчез. Звуки скрипки стихли, толпа начала

редеть. Диана не слышала слов благодарности, что доносились со всех сторон. Она искала глазами того, кто сотворил с ней что-то волшебное, и не находила. Он испарился.

Еще один человек внимательно прислушивался к игре Дианы и не сводил с нее удивленного и немного растерянного взгляда. Это был профессор Измайлов. Диана была поглощена музыкой и незнакомцем, поэтому профессора не заметила. Дослушав мелодию до конца, он так и не показался. Под громкие аплодисменты толпы незаметно покинул подземный переход.

Артур

Проводив клиентку, Артур принялся спешно собираться в магазин Семена Исааковича. Он с сожалением отметил тот факт, что на аллею художников сегодня уже не успеет. Время перевалило за двенадцать, а к двум часам аллея пустела, все расходились по домам – таково было негласное правило.

Улица встретила мелким дождем и промозглой сыростью. Что намокнут рисунки, Артур не опасался. На этот случай у него имелась специальная непромокаемая сумка-переноска, куда он и сложил работы, которые собирался предложить Семену Исааковичу.

До художественного магазина было рукой подать. Путь Артура пролегал через любимый парк, где в погожие осенние деньки уютно шуршала опавшая листва под ногами, кожу ласкали солнечные лучи, пробивающиеся сквозь кроны деревьев, и радовало глаз многообразие оттенков осени, разбитых на подоттенки и подподоттенки – от прозрачного белого до непроницаемого черного.

Всю жизнь Артур провел в родном приморском городе. Всего раз он уезжал из него в Самару, тогда еще Куйбышев, к дальнему родственнику. Тогда ему было лет семь. Вопрос о каком-то там наследстве срочно потребовал присутствия тети Люды. Она взяла с собой Артура. В конце сентября в родном городе еще по-летнему было жарко. В средней же полосе уже хозяйничала осень. Из той поездки Артур почти ничего не запомнил. Мелькание новых лиц и череда непонятных, сменяющих друг друга событий, не отпечатались в памяти.

Запомнился только поход в лес за грибами. Как его учили аккуратно срезать ножичком гриб, чтобы оставить в земле корень. И запах… На всю жизнь в памяти остался запах леса – смесь прелой листвы и грибов. Именно так пахла его собственная осень, хоть леса поблизости не было и в помине, а, уж тем более, грибов. Запах всплывал из потаенных уголков памяти, как неотъемлемая часть осени.

Но сегодня был не такой день, не из любимых Артуром. Моросящий дождь не рождал приятных воспоминаний. Хотелось поплотнее закутаться в куртку, чтобы не дать настырной сырости проникнуть под нее. Мешал встречный ветер – из-за него дождь неприятно сыпал в лицо. Одним словом, Артур был рад добраться, наконец, до магазина Семена Исааковича и оказаться в уютном тепле, пропитанном духом искусства.

Магазин в точности повторял характер хозяина. Как в жизни Семен Исаакович мгновенно загорался интересными идеями, чтобы через какое-то время остыть и переключиться на что-то другое, так и в магазине царил характерный хаос. Небольшой по площади торговый зал был плотно увешан и заставлен картинами разнообразного размера и содержания. Они никак не были систематизированы. Для Артура всегда оставалось загадкой, как другу удается ориентироваться среди всех этих полотен. Нужна поистине феноменальная память и фанатичная любовь к живописи, чтобы в таком многообразии картин быстро отыскать нужную.

Сам Семен Исаакович не считал подобную обстановку магазина лишенной системы. На этот счет у него было своеобразное мнение, что покупателю легче выбрать понравившееся полотно, поочередно рассматривая картины разных авторов, на непохожие темы и выполненные в различных манерах. Гораздо хуже, считал он, когда сначала идут картины одного автора, потом второго и так далее… И вот ты бродишь среди них, определяешься, в каком жанре хотелось бы приобрести картину. От этого, по мнению Семена Исааковича, можно свихнуться и перехотеть что-либо вообще покупать. А при отсутствии разграничений, покупатель способен увидеть понравившуюся картину и сразу захотеть ее купить. Артур, который любил порядок во всем, подобные рассуждения друга считал абсурдными, но никогда не спорил, уважая его индивидуальность.

Колокольчик дважды призывно звякнул, когда он открывал и притворял за собой дверь. Тут же послышались шаркающие шаги, и через секунду Артур услышал:

– Артурчик, мальчик мой, как хорошо, что ты пришел. Избавил старика от необходимости мокнуть под дождем…

Как тот безошибочно определил, что пришел именно Артур, для последнего оставалось загадкой. За рядами картин, выставленных на специальных подставках, прилавок, за которым любил восседать, почитывая какую-нибудь книгу, Семен Исаакович, совершенно не проглядывался. По всей видимости, был тут какой-то секрет, о котором хитрый еврей предпочитал помалкивать. Да Артур никогда и не интересовался этим.

– Я сегодня как раз собирался к тебе наведаться. Где же ты пропадал так долго, мальчик мой?

Внешне Семен Исаакович выглядел, как типичный представитель своей национальности. Невысокий, сухонький и сутуловатый, обладатель совершенно седой кудрявой шевелюры. Глаза, слегка навыкате, близоруко щурились (очками он пользовался только в случае крайней необходимости, когда не мог без них обойтись). Солидный нос тоже не оставлял сомнений в национальной принадлежности хозяина и являлся предметом особой его гордости. Семен Исаакович утверждал, что именно нос позволяет ему улавливать настоящие таланты в живописи и получать удовольствие от хорошего вина. Как были связаны между собой эти две вещи, и каким образом художника можно «унюхать», Артур не знал и подразумевал, что никогда не узнает. Но старика любил и уважал, как надежного друга и профессионала.

– Целую неделю провалялся с простудой. Люда только вчера разрешила выйти из дома, – ответил Артур, пожимая маленькую жилистую руку с крючковатыми неспокойными пальцами.

– Ох, Людочка, дай бог ей здоровья… Хорошо за тобой смотрит. Пойдем, мальчик мой, пойдем в кабинет, – он запер дверь и повернул табличку с надписью «закрыто-открыто» стороной «закрыто» к улице. – В такую погоду вряд ли кто заглянет, а нам нужно побалакать о деле…

Кабинетом Семен Исаакович называл маленькую каморку без окон, где кроме стола, стула и сейфа больше ничего не было, да и места свободного оставалось не так уж и много. Он усадил Артура на единственный стул, а сам открыл сейф и какое-то время там копошился.

– Перво-наперво отдам тебе причитающиеся денежки, а потом посмотрим, что ты мне принес, – голос звучал приглушенно, Семен Исаакович умудрился забраться в сейф с головой. Как только что-то видел там в темноте? Но вынырнул из сейфа довольный с внушительной пачкой денег в руке. – Вот, мальчик мой, твой гонорар. Тут за три картины. Как видишь, ты пользуешься успехом.

Артур поспешно убрал деньги в карман куртки. Он всегда немного стеснялся, когда Семен Исаакович расплачивался с ним за проданные картины, как будто это могло помешать их дружбе.

– Можешь не пересчитывать, – поздновато спохватился Семен Исаакович. – Я их уже дня три как отложил и пересчитал.

Артур и не собирался этого делать. О кристальной честности пожилого еврея было известно половине города. Его щепетильность иногда доходила до абсурда – он мог заявиться к покупателю, которому неправильно сдал сдачу, домой, чтобы отдать недостающие копейки.

– Ну, мальчик мой, показывай… Показывай, что принес, – Семен Исаакович нетерпеливо потирал руки, жадно глядя на сумку Артура.

Для магазина Артур отобрал самые удачные, на его взгляд, рисунки из последних. Два были выполнены карандашом, а один он решил написать углем. Он редко обращался к этому своеобразному инструменту. Причем, уголь предпочитал не покупать, а изготавливать сам. Для этого он строгал березовые палочки толщиной чуть меньше простого карандаша, укладывал их вертикально в консервную банку, засыпал банку песком, плотно закрывал крышкой и замазывал глиной. Перед тем, как отправлять банку в огонь, Артур проделывал в крышке небольшое отверстие, чтобы через него выходил газ от тлеющих палочек. Ему нравился сам процесс приготовления угля. Он любил смотреть на пламя, вырывающееся из маленького отверстия. Нравилась его насыщенность. Он не знал, что пламя от того выглядит необычным, что на самом деле синего цвета. Он видел лишь, что оно не похоже на пламя простого огня. Когда огонек над отверстием гас, Артур доставал банку из огня – это служило сигналом, что уголь готов.

Углем он изобразил море с клубящимися над ним грозовыми тучами. Море еще только начинало волноваться, а может, наоборот успокаивалось после шторма… Артур до конца не определился с темой. В самый последний момент он решил написать на море одинокую лодку, без весел и людей, как символ заброшенности и тоски.

– Решил поработать с углем? – Семен Исаакович внимательно рассматривал лист полуватмана, лежащий перед ним на столе. – Хорошо получилось! Мрачность что надо!

Артуру стало смешно, так по-праздничному торжественно прозвучала реплика о мрачности.

– Как будем выставлять? По стекло или ты фиксировал? – Семен Исаакович аккуратно коснулся пальцем поверхности рисунка. – Ага! Вижу, фиксировал. Чем?

– Как обычно – молоком с водой…

Работа с углем имеет свои недостатки. Выполненные им рисунки нужно фиксировать, чтобы уголь не осыпался. Как вариант, можно хранить под стеклом. Артур обычно фиксировал свои рисунки. Для этого он использовал раствор снятого молока с примесью воды. Он сбрызгивал раствором рисунок в два три приема небольшими дозами, после чего больше мог за него не опасаться.

– Замечательно! Талантливо, мальчик мой… Что там у тебя еще? – Семен Исаакович отодвинул рисунок в сторону, освобождая место для дальнейшей демонстрации.

Артур достал два карандашных рисунка и положил их перед ожидающим другом.

– Где ты выискал такую замечательную натуру? – Семен Исаакович рассматривал пейзаж с развалинами старого замка в самом центре, заросшими гутой растительностью. – Великолепная заброшенность! Как у тебя получается настолько точно передать настроение? Будто счастье покинуло это место давным-давно… Осталось только эхо в пустых уцелевших комнатах, как

отголоски былой жизни.

Артур подивился, насколько точно друг передал настроение картины. Именно эти чувства он и пытался вложить в нее. За основу взял вид из окна мансарды. Только замок был чистым вымыслом, а природа копировала настоящие заросли – беспорядочные и дикие.

– Замок мой. А все остальное с натуры.

– Необычный замок… – Семен Исаакович почесал кудрявый затылок, взлахмачивая и без того не знающие стрижки, сильно отросшие волосы. – На своем веку я повидал великое множество замков, и разрушенных, и уцелевших. Но твой… Он какой-то сказочный. Думаю, не ошибусь, предположив, что такого замка не существует, – это было скорее утверждение, чем вопрос. Стареющий знаток живописи просто рассуждал, ни к кому при этом не обращаясь.

Даже другу, который знал про него почти все, Артур не мог признаться, что образ замка родился еще в детстве, когда он читал «Сказку о мертвой царевне». И пусть у Пушкина был грот, а в нем гроб, Артур представлял себе именно такой замок – полуразрушенный и заброшенный. А в нем хрустальный гроб с покоящейся в нем девушкой невиданной красоты. Причем образ девушки смутно вырисовывался в его голове. Он просто знал, что она красивая и не похожа на всех остальных. А вот замок он «видел» в мельчайших деталях, со всеми трещинками на каменных стенах, местами заросших мхом, с тенетами паутин в пустынных залах, почему-то с винтовыми лестницами с продавленными каменными ступенями и с гуляющим по всему замку сквозняком.

Первый раз он рискнул изобразить замок на бумаге, лишь внешнюю его сущность. До этого образ хранился глубоко внутри сознания Артура. Вслед за внешней картинкой, родилась идея написать ту самую комнату со спящей красавицей. Загвоздка состояла именно в девушке – Артур ума не прилагал, какой должна быть спящая красавица, и его развитое воображение молчало, не давало ни малейшей подсказки.

Задумавшись, Артур не заметил, что пожилой друг какое-то время внимательно смотрит на него, словно ожидая ответа на вопрос, который он прослушал.

– Что с тобой, мальчик мой? В последнее время ты какой-то не такой… Сам на себя не похож.

– Я просто… Сам не знаю. Просто чувствую, что чего-то не хватает. Только вот чего?

– Жениться тебе нужно, – Семен Исаакович хитро прищурил глаза. – Ну, или влюбиться.

– Влюбиться, куда не шло, – усмехнулся Артур. – А насчет жениться… Это вы явно преувеличили.

– Что, рассуждаю по старинке? – ответная усмешка друга была немного грустноватой. – Так ведь и тебе уже не двадцать лет.

– Не будем об этом, Семен Исаакович. Мне и с Людой хватает разговоров… – Артур собрал рисунки со стола, передавая их другу. – Видно, не родилась еще та, что способна покорить мое придирчивое сердце, – попытался пошутить он.

– Ну-ну, – только и сказал Семен Исаакович, осуждающе покачав головой. – Дело, конечно, хозяйское. А время, как говорится, в руках не удержишь.

Дождь из моросящего перерос в несильный затяжной ливень. Спешить Артуру было некуда, и он решил провести это время в художественном магазине, разглядывая полотна знакомых и новых для него художников, попивая крепкий кофе из маленькой чашечки, в приготовлении которого Семен Исаакович был настоящим мастером, и разговаривая с другом обо всем сразу и ни о чем одновременно. Табличка на двери все это время была повернута надписью «закрыто» к омываемой дождем улице и редким прохожим, прячущимися под зонтами.

Дождь перестал, но унылая сырость никуда не делась. Наступил вечер. Мрачные тучи, как черная армада в ожидании чьего-то приказа, низко нависли над городом, делая людей маленькими и беззащитными. До самого заката они держали в плену солнце, не оставляя ему ни малейшего шанса раскрасить серость.

Артур распрощался, наконец, с хозяином магазина и отправился домой. Вечером он предпочитал пользоваться подземным переходом, чтобы перейти оживленную для небольшого приморского городка улицу. Это было своеобразным пунктиком: днем Артур пользовался светофором для слепых, хотя подземный переход был гораздо ближе. Ему приходилось делать приличный крюк, направляясь к светофору, по пути от дома до художественного магазина или аллеи художников. Но спускаться под землю, лишать себя дневного света, дышать спертым воздухом и окунаться в каменную прохладу Артур категорически отказывался.

Звуки одинокой скрипки он услышал еще на улице. Играли «Шербурские зонтики». Артур не считал себя знатоком музыки, но некоторые мелодии рождали в душе приятный трепет, лирическое настроение. Именно к таким относилась музыка Мишеля Леграна.

Играли хорошо, с чувством. Возможно, исполнитель не был очень искусным скрипачом, но Артуру нравилась его манера. Он замедлил шаг, спускаясь в подземный переход. Хотелось растянуть удовольствие, насладиться музыкой подольше. Сами собой в голове зазвучали строки из песни, так часто напеваемой Людой:

Целой жизни мало, чтобы ждать тебя,

Моя жизнь пропала, если нет тебя.

Ты в краю далеком не забудь меня,

Где бы ни был ты, я тебя жду…

В этом переходе постоянно обитали музыканты. Но чаще они исполняли что-нибудь современное и не очень музыкальное с точки зрения Артура. Редко когда звучала одинокая скрипка. Обычно ей подыгрывали на флейте или гитаре. Реже «пел» саксофон, изображая джаз, который Артур совершенно не понимал, и из-за этого не любил. Впрочем, он допускал, что большинству людей нравится именно такая музыка – осовремененная. Поэтому еще так сильно удивился, услышав скрипку.

Оставалось всего несколько шагов до поворота, которые Артур преодолел не спеша. И тут произошло невероятное. Он совершенно не понял, что это. Взгляд уперся во что-то сверхъестественное. Его ослепило на мгновение, как дальний свет фар приближающегося на огромной скорости автомобиля. В голове все перевернулось и стало пульсировать, отдаваясь болью в каждой точке. Боль была нестерпимая, словно мозг свело судорогой. Реальность исчезла, а вместе с ней люди, звуки, запахи… Остался только слепящий свет, странное ощущение непонятной легкости и полное отсутствие страха.

Артур резко остановился, закрыл глаза и попытался унять бушующий в голове огонь. Полегчало, но совсем чуть-чуть. Отголоски увиденного рождали воспоминания, а вместе с ними боль.

А музыка зазвучала еще неистовей, достигнув кульминационного момента. Она буквально пропитывала Артура, насильно открывая глаза и заставляя смотреть на ту, что явилась взору в непостижимом образе. Он не мог отвести от нее взгляда, не обращая внимания на боль в голове, глазах и шум в ушах. Кто это? Или правильнее спросить, что это? Что же он такое увидел, что перевернуло всю его жизнь? Как женщина может быть такой? Кто сможет объяснить ему? И как он сможет спросить о том, чему нет определения? Все эти вопросы навалились разом. Артур испуганно вздрогнул и отвел глаза от загадочного явления.

«Бежать! Нужно бежать отсюда. Иначе, я сойду с ума!»

Глава 3

Диана

Диана любила приходить к бабушке. В родительском доме было всегда шумно. Две младшие сестры, погодки шестнадцати и семнадцати лет, редко находились в согласии друг с другом. Чаще ссорились из-за всякой ерунды, долго выясняя отношения. Родители обычно не вмешивались, занимаясь каждый своим делом. А Диана, даже когда пыталась примирить сестер, успеха добивалась редко.

У Моны же все было по-другому. Она жила в небольшом собственном доме на береговой линии. Перед домом раскинулся сад, где они с Дианой любили беседовать теплыми летними вечерами. А осенью и зимой они сидели перед камином и разговаривали, разговаривали… попивая чай с пирожными.

По пути Диана зашла в кондитерский магазин и купила любимые бабушкины пирожные – корзиночки.

Никак не шел из головы образ незнакомого парня, пожиравшего ее взглядом в подземном переходе. Еще волновал вопрос, почему именно тогда, когда он смотрел на нее, она исполняла по-новому, лучше. Ну не могли же ее музыкальные способности резко возрасти? Она не верила в чудеса, но иначе, как чудом, назвать случившееся не могла. Было что-то в нем необычное, в этом парне. Диана не могла определить, понравился ли он ей. Она даже толком не запомнила, как он выглядел. Зато глаза его до сих пор видела отчетливо, словно он все еще смотрел не нее.

– Мона-а-а-а, – позвала Диана, отперев дверь бабушкиного дома своим ключом, – я у тебя в гостях.

Ответом ей была тишина и потрескивание дров в камине.

– Мона, ты где? – Диана уже догадалась, где та прячется.

Словно в подтверждение догадки, откуда-то снизу послышался приглушенный голос:

– Дианочка, это ты? Я мигом… Осталось совсем чуть-чуть.

Бабуля занята творчеством, – догадалась Диана. Так она называла хобби пожилой женщины фотографировать «моменты жизни», как та сама выражалась. Для этого она приобрела дорогой фотоаппарат, откладывая на него деньги с пенсии несколько месяцев. Теперь она с ним практически не расставалась, всюду беря с собой. Особенно она нравилась Диане летом – в кроссовках, бриджах, широкой футболке, с фотоаппаратом на шее. Натуральная туристка из какой-нибудь английской провинции, приехавшая отдохнуть и получить небольшую порцию адреналина в российский курортный городок.

Диана подошла к небольшой дверце, ведущей в подвал. По удобной деревянной лестнице она спустилась в просторное и очень светлое помещение. Оно только называлось подвалом, являясь таковым по архитектурной задумке. На самом деле, убранству и освещению этой комнаты позавидовал бы любой кабинет. Единственным его недостатком были низкие потолки, с чем бабушка Дианы тоже справилась без труда, сделав их полностью зеркальными.

На крутящемся кресле возле массивного стола времен ее молодости расположилась ухоженная пожилая женщина. Домашний брючный костюм отлично сидел на ее подтянутой фигуре. Видно было, что женщина следит за собой. Об этом говорила и стильная стрижка на светлых волосах. Перед ней стоял компьютер, на котором она увлеченно что-то делала, водя мышкой по коврику.

– А, Дианочка, заходи, милая, – не поворачивая головы в сторону внучки, сказала женщина. – Осталось обработать две фотографии, и я буду целиком в твоем распоряжении.

– Не торопись, Мона. Я тут рядышком посижу, подожду…

Диана устроилась в уютном кресле с деревянными подлокотниками. Включила торшер с вышедшем из моды тканевым абажуром. Выбрала газету из стопки на журнальном столике с изогнутыми ножками. Но почитать не получилось – женщина выключила компьютер и повернулась в кресле в ее сторону.

– Привет, милая! Я закончила, и теперь мы можем идти ужинать. Ты ведь, наверное, ужасно голодная?

Глядя на женщину, становилось понятно, почему внучка называет ее Моной, если от рождения той дано было имя Марина, а по отчеству она звалась Витальевной. Моной ее называли все друзья и близкие люди. Еще в юности ей дали такое прозвище из-за мимики. Даже сейчас на постаревшем лице мягким пятном выделялся рот. Казалось, он улыбается всегда. И выглядело это загадочно, как на давинчиевой картине, изображающей Мону Лизу с ее улыбкой, которую никто из художников так и не смог воспроизвести.

Конечно, улыбалась Мона не всегда, и если кто-то присматривался к ней повнимательнее, то замечал это. И, тем не менее, загадочная улыбка то

появлялась, то исчезала. Так и получилось, что бойкая девчушка, а потом и общительная женщина, всю жизнь проработавшая маляром на стройке, получила второе имя Мона за свою удивительную внешность. Несмотря на то, что в молодости у Моны отбоя от парней не было, выбрала она простого рыбака, которого и любила всю жизнь, похоронив пять лет назад.

Диана устроилась с ногами в удобном большом кресле и закуталась в теплый плед, как всегда любила делать у бабушки дома. Она смотрела на весело пляшущие языки пламени и слушала, как бабушка лущит семечки, расположившись по соседству. Рядом на столике дымились две большие чашки с чаем и вкусно пахли пирожные, выложенные в плетеную корзинку.

Такие моменты Диана любила больше всего. Она чувствовала, как отдыхает именно ее душа, не тело. Хотя тело тоже наслаждалось комфортом. Но душа в такие моменты будто укладывалась в удобную колыбель и дремала вдали от всего суетного.

– Как дела в консерватории? – нарушила идиллию Мона.

– Как обычно, – угрюмо ответила Диана, вспомнив инцидент с пиццикато.

– Не все гладко, да? – проницательно подметила бабушка. – Вижу, что-то тебя огорчает.

Именно Мона настояла когда-то давным-давно, чтобы Диану отдали учиться игре на скрипке в музыкальную школу. Она разглядела в маленькой девочке искры таланта, которые не видели окружающие, в том числе и родители Дианы. До сих пор Мона верила в талант Дианы, несмотря на то что преподаватели консерватории особо не были ею довольны. Диана не делала из этого тайну, все честно рассказывала бабушке. Вот и сейчас она подробно поведала про беседу с профессором Измайловым и про его недовольство. На что Мона спокойно ответила:

– Москва не сразу строилась… Все у тебя получится. Я уверена! Думаю, профессор твой со мной солидарен, только разве он может признаться в этом тебе?

– Мона, ты неподражаема! – засмеялась Диана. – Только ты и считаешь меня сверхспособной.

– Милая, я знаю, что говорю, – Мона перестала грызть семечки и серьезно посмотрела на внучку. – Возможно, ты не гениальна. Гении – это особая категория, о чьей исключительности становится известно в момент рождения. Но я абсолютно уверена в твоем таланте. Просто, он нуждается в раскрытии. Талант, как правило, прячется где-то глубоко-глубоко. Вот тут и выходят на сцену учителя. Именно они должны помочь таланту выбраться из потаенных глубин. Далее, они должны научить тебя шлифовать его, доводя до совершенства.

Диана заслушалась, будто речь шла не о ней конкретно, а о чем-то отстраненном и захватывающем. Умела бабушка говорить так, что слушатель становился губкой, впитывающей информацию с жадностью новорожденного. Откуда только в ней столько мудрости? Наверное, этой мудрости учат книги, которые бабушка все время читает. А иначе, как объяснить ее грамотную речь, наполненную глубоким смыслом? В такие моменты Диана гордилась своей бабушкой и мечтала стать такой же – живущей в гармонии с самой собой. Только пока в ее жизни больше наблюдалась дисгармония.

– А знаешь, Мона, сегодня со мной произошел странный случай… – и Диана рассказала о необычном слушателе в подземном переходе.

– Правда, странно… – задумалась бабушка. – Ты говоришь, он выглядел слегка ненормальным?

– Более чем. Он выглядел безумным. Правда, мне показался довольно симпатичным, – почему-то признаваться Моне, что незнакомец показался ей симпатичным, Диане было немного стыдно. Она сама не понимала своего настроения.

– И в этот момент ты поняла, что играешь хорошо? – допытывалась бабушка. Во взгляде пожилой женщины появилась хитринка, которая, не известно почему, раздражала Диану.

– Ну, да… Мне так показалось. Я, как будто со стороны слушала музыку, которую сама же и исполняла. Странное ощущение.

– Кажется, я знаю, как это называется, – улыбнулась Мона.

– И как же? – немного агрессивнее, чем хотела, спросила Диана.

Она совершенно растерялась, не понимая, что происходит. Почему-то удобное до этого кресло теперь казалось ей жестким. Она сердито заелозила, усаживаясь в нем удобнее и поправляя начавший резко сползать плед. Отхлебнула из кружки и тут же поморщилась, почувствовав, как чай обжег язык. Даже любимые корзиночки показались ей жестковатыми и приторно-сладкими.

– Ну вот… Теперь я почти уверена. – бабушка улыбалась во всю ширь.

– Мона, прекрати! – воскликнула Диана, сердито уставившись на нее. – Чего говоришь загадками? Знаю, знаю… – передразнила она. – Скажи уже, раз знаешь.

– А ты сама не догадываешься? – не обращая внимания на агрессию внучки, спросила бабушка.

– Ну, Мона! – Диана умоляюще смотрела на нее. – Прекрати говорить намеками. Я, правда, не знаю, что со мной. Только никак не могу выкинуть этого сумасшедшего из головы.

– Ты влюбилась, милая! – это прозвучало, как приговор.

Диана остолбенела. Что за глупости говорит бабушка?! Как можно влюбиться с одного единственного взгляда? Да, еще в кого? В ненормального какого-то. Она в который раз представила себе образ парня из пешеходного перехода. Его глаза… Он так странно смотрел на нее, как будто увидел что-то совершенно невероятное. Причем, это невероятное было на ней. Знать бы еще, в каком месте? Диана усмехнулась, совершенно забыв, что рядом сидит бабушка и с улыбкой разглядывает ее лицо. А у него красивые глаза. Странно еще и то, что она хорошо запомнила это, хоть практически не смотрела на него. Она не могла смотреть, пугал его взгляд. А эти волосы, постоянно падающие на лицо… Диана вспомнила его жест, как он машинально убирал челку с лица. Пальцы такие длинные, красивые, даже трепетные. Но ведь он ненормальный! Нормальный не станет так пялиться на незнакомую девушку.

Неожиданно Диана поймала себя на мысли, смутившей ее сильнее всего остального. Она снова хочет его увидеть. Не просто увидеть, а познакомиться с ним поближе. Узнать, наконец, что такого он подметил, почему так странно смотрел.

В следующий момент она подумала, что, наверное, сама не совсем здорова, раз мечтает о новой встрече. Благо, это вряд ли возможно. Как найти человека, которого ты видела однажды мельком, хоть и в небольшом, но все-таки городе? Это Диана посчитала хорошим признаком, который послужит предостережением от необдуманных поступков. Не хватало ей еще наставлять на путь истинный всяких безумцев.

Наваждение

Артур

Вот уже полчаса Артур стоял перед любимым прилавком в магазине со смешным названием «Пикасята». Три года он закупался здесь. Когда-то именно название привлекло его. Считалось, что направленность магазина детская. Все, что нужно юному художнику, можно было найти в этой небольшой и уютной комнатке, тесно заставленной прилавками. Первым Артуру понравилось название магазина, а потом он оценил и его начинку. Его тут тепло принимали, как постоянного покупателя.

Вот и сейчас молоденькая продавщица не мешала Артуру делать выбор, даже несмотря на то что в этот раз его поведение казалось ей немного странным. Странным оно казалось и Артуру. Он стоял перед прилавком с цветными карандашами и восковыми мелками, тогда как раньше к нему даже не подходил, прямиком направляясь к простым карандашам. Он смотрел на разнокалиберные коробочки и не знал, на какой из них остановить свой выбор. Он даже не понимал, для чего именно ему нужны цветные мелки. Но его сжигало желание купить их во что бы то ни стало.

– Будьте добры… – позвал Артур продавщицу. – Мне нужна пастель, но я не знаю, какую лучше выбрать. Не порекомендуете?..

– Конечно! – улыбнулась симпатичная девушка. – Я бы посоветовала восковую пастель. Ее считают самой лучшей. В основу замеса этих мелков входит воск высшего качества и стойкие пигменты. Они хороши для растушевки, это придает эффект мягких переходов и нежность цвету, – тараторила девушка, доставая мелки, упаковывая их в пакет и пробивая сумму на кассовом аппарате. Если она и удивилась выбору Артура, то не подавала виду. – Это мягкая пастель. Она не будет так часто ломаться, как твердая. В ней больше связующего вещества… Штрихи получаются широкие и насыщенные, – поймав на себе заинтересованный взгляд Артура, девушка немного смутилась. – Я сама пишу картины. Не такие талантливые, как ваши, но… Я часто пользуюсь именно пастелью. Поэтому и знаю про нее все.

– Приятно иметь дело с профессионалом.

От комплимента Артура продавщица еще сильнее раскраснелась и поспешно воскликнула:

– Вам нужна еще специальная бумага для пастели!

– И правда, – теперь уже Артур смутился. Он совершенно упустил из виду эту важную деталь. – Об этом я как-то не подумал.

– Лучше всего подойдет цветная бумага с фактурной поверхностью для удержания пигмента, – улыбнулась девушка.

– А чем плоха белая? – слишком поспешно спросил Артур. В его намерения не входила покупка цветной бумаги. Точнее даже, она ему была совершенно ни к чему.

– Ну, вы же понимаете, что все зависит от задачи рисунка, – продолжала объяснять девушка, не обращая внимания, что настроение Артура резко изменилось. – Тон бумаги можно подобрать индивидуально, чтобы создать наибольшую насыщенность главных цветов. Я, например…

– Нет, – резко перебил ее Артур. Девушка испуганно дернулась и уставилась на него широко раскрытыми глазами. – Нет, – более мягко повторил Артур, ругая себя за несдержанность. – Пожалуй, я обойдусь белой бумагой, тем более что с темой я еще не определился.

– Хорошо, – кивнула девушка, к которой быстро вернулся непринужденный вид. Она решила, что ей показалось, будто покупатель чем-то рассержен. – У нас есть наждачная бумага, пастельная доска и бархатная бумага. Какую предпочитаете?

– А вы что обычно выбираете? – спросил Артур, стараясь выглядеть естественным. Не мог же он признаться, что никогда не имел дело ни с пастелью, ни с бумагой для пастели.

– Когда как… У наждачной бумаги преимущество, что она продается в листах большого формата. Зато, при работе с бархатной бумагой можно использовать минимальное количество фиксажа…

– Давайте наждачную, – Артур совершенно не понимал, зачем ему нужна бумага большого формата. Он просто знал это.

– Можно дать вам еще один совет? – окликнула продавщица, когда он готов был покинуть магазин. – Для фиксации лучше всего подходит обычный лак для волос. Достаточно пары легких распылений.

***

– Арто, иди ужинать, – крикнула Люда из кухни, услышав, как хлопнула входная дверь.

– Я потом, – прокричал в ответ Артур, поспешно разуваясь и снимая верхнюю одежду.

– Почему? – выглянула из кухни Люда. – Ты пропадал весь день. Время уже восемь доходит, а ты отказываешься ужинать. Не заболел? – она подошла к Артуру и потрогала его лоб. – Вроде, температуры нет.

– Просто я не успел проголодаться, хочу немного поработать, – на самом деле у него аж руки чесались, так сильно он хотел приняться за дело. – Я потом… Мне нужно работать, – это Артур сказал уже по пути в мастерскую, взбираясь по лестнице.

– Да, что с тобой? – Люда удивленно смотрела вслед удаляющемуся племяннику. Первый раз она видела его в таком состоянии. – Какая муха тебя укусила?

Все ее вопросы остались без ответа. Артур их просто не слышал. Он вбежал в мастерскую, достал лист бумаги и тут же начал крепить его к мольберту. Распаковав мелки, он положил их на рабочий стол. Осталось настроить свет, и можно приниматься за дело.

Какая сила двигала им в этот момент, Артур не мог определить. Не глядя он доставал мелки из коробки и рисовал. Уверенные широкие мазки ложились на лист именно так, как и должны ложиться. Руки действовали сами, не сомневаясь, не вздрагивая. Они точно знали, где нужно придать яркости, а где растушевать, делая едва заметным. Лист постепенно наполнялся содержанием.

Артур перестал щуриться, вглядываясь в рисунок. Поначалу было тяжело видеть все это буйство. Он просто перекладывал картинку из головы на лист бумаги. Казалось жизненно важным сделать это быстро и качественно. Она получалась, как живая, именно такая, какой он увидел ее в первый момент. Только сейчас он мог смотреть на нее без боли в глазах и голове. Он впитывал ее образ по мере проявления его на листе.

Артур знал, что маленькие пятнышки на лице называются веснушками, но только сейчас видел их по-настоящему. Он никогда не замечал их на других женских лицах, но это лицо не было чужим. Это было его лицо. Все на лице принадлежало ему – глаза, такие, какими он их видел, нос, волосы… Как ему нравилось рисовать ее волосы! Каждый локон, каждая отдельная прядь заново рождались под его рукой, из его мазков.

Вот и все. Образ завершен. Осталось оформить фон. Вот именно, фон! Все то, что он рисовал раньше или видел вокруг, было фоном. А центром всего была она. О чем бы или о ком он сейчас ни думал, что бы ни вспоминал или представлял, везде была она, словно до этого он и не жил вовсе. И если первой мыслью Артура, там в переходе, была бежать, то теперь он уверен, что нужно искать.

Искать ту, что перевернула его жизнь, показала себя.

– О боже! – услышал Артур и резко обернулся.

Люда стояла совершенно белая, прижимая дрожащую руку ко рту. Глаза ее, наполненные слезами, не отрываясь, смотрели на рисунок, который только что закончил Артур.

– Люда! – Артур подбежал к тете, опасаясь сердечного приступа. Он взял ее под локоть и подвел к стулу, на который и усадил. – Может, таблетку какую принести?

Она только помотала головой, не переставая разглядывать полотно.

– Это… это… Как ты смог? – наконец спросила Люда.

– Сам не знаю, – честно ответил Артур.

– Кто эта девушка? – слезы заструились по щекам пожилой женщины.

– Не знаю.

– Но, ты же видел ее?

– Да. Сегодня. В пешеходном переходе.

– Ты видел ее такой? – Люда перевела потрясенный взгляд на Артура.

– Именно! И я не знаю, что это?

– Это то, чего ты не можешь видеть. Никогда не мог…

– Я и сейчас не могу. Все такое же, как раньше, кроме нее.

Люда опять перевела взгляд на картину, в центре которой стояла девушка, играющая на скрипке, яркая, словно живая. Яркая была только она, все

остальное оставалось обычным бело-серо-черным. Люда даже зажмурилась, в какой-то момент ей показалось, что девушка сейчас шагнет с полотна и окажется в этой комнате.

– Господи! Как же такое возможно? Что ты чувствуешь? – вновь повернулась она к племяннику.

– Случилось что-то важное, очень важное для меня, – задумчиво произнес Артур. – Правда, я еще не понял, что это. Но я точно знаю, что без нее не смогу жить дальше. Теперь она мне нужна, как воздух. Я закрываю глаза и вижу ее. Я слышу, как она играет. И это теперь вся моя жизнь, – он устало потер глаза и опустился на стул рядом с Людой.

– А она?.. Она тебя видела? – Люда сжала руку Артура, в безотчетном желании поддержать.

– Кажется… Хотя, не знаю. Может, и не видела.

– Но кто она и откуда?

– Не знаю, но обязательно узнаю. Иначе, я не смогу жить, – Артур невесело усмехнулся. – Может, я влюбился? Ты ведь этого хотела

– Я? Я хотела простого, человеческого. Но, это… Как же ты найдешь ее?

– Обязательно найду! – улыбнулся Артур. – Я приведу ее сюда и познакомлю с тобой.

– Бедный мой, – Люда обняла племянника и прижала его голову к себе. – Сколько еще сюрпризов приготовила тебе жизнь? – а про себя подумала: «Хоть бы он нашел ее, и она ответила бы ему взаимностью».

***

Андрей тоже рассматривал девушку на полотне, прислушиваясь краем уха к разговору художника и его тети. А ведь и правда, как живая. У парня не просто

талант, а истинный дар показывать вещи такими, какие они в жизни, со всеми красками, присущими этой самой жизни. Жизни, которую люди так мало ценят, и которая слишком щедра к ним.

Нет, не слишком! – отвлекся Андрей от полотна и раздраженно тряхнул головой. В нем снова просыпается скептик, который только мешает делать людям добро. Он любит людей, просто порой не понимает их.

Сегодня на его глазах произошло чудо, к которому он не имел никакого отношения. Андрей просто помог встретиться этим двоим, свел их «в нужное время и в нужном месте», как любят выражаться в народе. А дальше все произошло само, и даже он, повидавший так много за свое вечное существование, был несказанно удивлен. Удивлен настолько, что решил и дальше незаметно наблюдать за судьбой этого парня и рыженькой скрипачки.

Им точно предстоит непростой путь, который они проделают сами. Он лишь иногда будет подглядывать за ними в сторонке, не нарушая норм этики. При виде их двоих сегодня в Андрее проснулось что-то новое, очень близкое к романтике. И еще эта романтика была подпитана чем-то, напоминающим сентиментальность. Как бы там ни было, но дальнейшую судьбу этих двоих он теперь воспринимал «близко к сердцу», как принято говорить среди людей.

Как живая! – снова кинул Андрей взгляд на полотно. И такая яркая… Присутствует ли тут божественное вмешательство? Вряд ли, иначе он бы уже узнал об этом. Как же тогда назвать то, чему он стал свидетелем? В будущем он надеялся найти ответ на этот вопрос.

Слезы женщины, в чьей груди билось материнское сердце, не будучи таковым по сути, – сколько вас еще предстоит пролить ей из сострадания к тому, кого любит больше жизни? Но они принесут свой результат!

Мужская страсть, которая пробудилась только что и ошеломила настолько, что перевернула в душе все привычные представления о жизни, – как справиться с этим ураганом и не разрушить себя изнутри? Это будет сделать очень сложно!

Иди и ищи свою единственную! – пристально посмотрел Андрей на художника. Но его внушение было излишним – он и так знал, что парень будет искать девушку.

И пусть у них все получится! Его же ждут другие дела, которых он запланировал даже слишком много на время отпуска Влада.

***

На следующий день в то же самое время Артур стоял в подземном переходе. Однако там его ждало разочарование – никаких музыкантов не было. Повсюду царила унылая серость и тишина, нарушаемая шаркающими шагами редких прохожих.

Он закрыл глаза, и воспоминания ожили. Зазвучала музыка, образ девушки встал перед мысленным взором. Прохожие оглядывались на странного парня, стоящего посреди тускло освещенного тоннеля с закрытыми глазами. На его губах угадывалась легкая улыбка. Он слегка раскачивался, в такт одному ему слышимой мелодии. Но очарование рассеялось, как только он открыл глаза.

Артур пришел туда и на следующий день, и еще через день… Но ничего не происходило. Музыкантов по-прежнему не было, а переход казался ему с каждым днем все более унылым.

Так прошла неделя. Артуру начало казаться, что никакой девушки и не было, что она ему привиделась. В душе росла тоска, наполняя собой всего его. Дома он постоянно пытался рисовать ее, но ничего не получалось, кроме мазни. Он до боли хотел сделать это снова, но понимал, что не сможет, пока не увидит.

Люда переживала, видя страдания племянника. Она тайком плакала, стараясь, чтобы он не замечал. Зря старалась, несчастная, он бы не заметил, даже если бы она перед ним рыдала в голос. Он вообще перестал замечать что-либо, все глубже погружаясь в свой собственный иллюзорный мир.

В один из таких вечеров, когда Артур, как обычно в последнее время, заперся у себя в мастерской, отказавшись от ужина, Люда не выдержала и позвонила Сергею. Она попросила его приехать и поговорить с племянником, жалуясь и страдая, что ее он не слушает.

Сергей не заставил себя долго ждать, примчавшись уже через пятнадцать минут.

– Что случилось? – с порога спросил он встревоженную женщину. – Почему я не в курсах? Правда мы не виделись с ним недели две…

– Ты иди к нему, – Люда махнула рукой в сторону лестницы. – Думаю, он сам тебе все расскажет.

Не мешкая, Сергей взбежал по лестнице.

– Открывай, друг! – нарочито весело прокричал он. – Я пришел тебя спасать.

Люда поспешно скрылась в кухне, опасаясь гнева племянника, хотя подобное он не практиковал. Она не могла припомнить, чтобы он когда-нибудь на нее кричал или сердился. Даже на этой неделе он больше отмалчивался и скрывался, чем злился или раздражался на что-либо.

Долго стучать Сергею не пришлось, Артур почти сразу же впустил его в мастерскую.

– Блин, ну ты даешь! – Сергей и сам не знал, что его больше шокировало – жуткий беспорядок, царящий в мастерской, или внешний вид друга. – Ты что, перестал мыться, бриться и есть одновременно? – спросил он, глядя на взлохмаченного мужчину с темными кругами под глазами и многодневной щетиной на лице.

– Что, дерьмово выгляжу? – усмехнулся Артур.

– Это еще мягко сказано, – Сергей окинул взглядом всю фигуру Артура, стараясь сакцентировать на этом его внимание. – И в мастерской у тебя, мягко говоря, бардак. Хотя, тут больше подойдет слово «помойка».

Весь пол был усеян обрывками начатых работ. На рабочем столе Артура вперемежку с карандашами, мелками и прочими инструментами стояли грязные бокалы, тарелки с нетронутой едой. Сергей заглянул в один из бокалов и поморщился.

– Кофе глушишь литрами? – спросил он, ставя бокал обратно на стол.

– Могу и тебя угостить, – угрюмо ответил Артур, отворачиваясь от Сергея и глядя на мольберт, где на большом листе наблюдалась цветная мазня.

– Спасибо, по вечерам не увлекаюсь и тебе не советую. Хотя, от коньячка бы не отказался.

– Чего нет, того нет.

К спиртному у Артура было особое отношение – он его совершенно не переносил. Даже самые слабые напитки вызывали тошноту и рвоту. Поэтому он их не употреблял даже по праздникам. Собственно, он не чувствовал в них потребности и не понимал людей, кто расслаблялся подобным образом. А вот кофе любил сверх всякой меры. Он мог пить его по десять чашек в день, чем постоянно вызывал недовольство Люды. Она считала кофе в таком количестве вредным для сердца, на что Артур шутливо отвечал, что, зато, ему не грозит склероз, так как учеными доказано полезное действие кофеина на человеческий мозг.

– Ну, нет, так нет, – с легкостью согласился Сергей. Он придвинул стул к столу, расчистил на нем небольшой участок, облокотился на него и приготовился слушать. – Рассказывай, что довело тебя до такого?..

Первой реакцией Артура была послать друга куда подальше, запретив тому когда-либо еще вмешиваться в его жизнь. Но, поразмыслив несколько секунд, он решил, что это будет выглядеть слишком грубо, во-первых, и абсолютно бессмысленно, во-вторых. А что если Сергей и вправду сможет оказаться полезным? Артур чувствовал, что загнал себя в тупик, из которого ему трудно будет выбраться самостоятельно.

Артур покопался в груде бумаг и достал тот самый рисунок, который безуспешно пытался повторить в течение недели. Он развернул его перед Сергеем и какое-то время равнодушно наблюдал выражение крайнего изумления на лице друга.

– Ее мне нужно найти, – через несколько секунд произнес Артур.

– Хорошо, – серьезно кивнул Сергей, хотя больше всего ему сейчас хотелось потрясти головой на манер собаки, чтобы стряхнуть наваждение, во власти которого он оказался, рассматривая рисунок Артура. – А кто она?

– Если бы я знал, кто она, я бы знал, где ее искать.

– А, ну да, – тупо моргнул Сергей и, не удержавшись, тряхнул-таки головой. – Поставим вопрос по-другому: где ты ее видел? – в голосе друга появилась хорошо свойственная ему деловитость.

В двух словах, не описывая всю степень своего потрясения, Артур поведал другу о встрече с незнакомкой в пешеходном переходе.

– Скрипачка, значит? – подытожил Сергей. – И что?.. Как ты ее разыскивал?

– Ходил туда всю неделю, но, безрезультатно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/volgina_nadezhda/esli-b-ne-bylo-tebya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити